ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

М.И. Алексеева, доцент кафедры редакционно-издательского дела и информатики факультета журналистики МГУ имени М.В. Ломоносова; e-mail: kafedra_rio@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАБОТКЕ И ПЕРЕСКАЗЕ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК ДЛЯ ДЕТЕЙ

В статье рассматриваются способы адаптации текстов русских народных сказок к восприятию детьми.

Ключевые слова: *обработка, пересказ, народная сказка.*

The article examines the ways to adapt Russian folk tales in order to facilitate perception of those by children.

Key words: *adaptation, retelling, folk tale.*

Адаптация в одном из значений этого слова — упрощение (облегчение) текста для недостаточно подготовленного читателя. Адаптация в детской литературе — гораздо более сложный, глубинный процесс, требующий от писателя (поэта) художественного мастерства и высокого уровня профессионализма. Как и всякий детский писатель, обработчик или пересказчик должен иметь «*ум возвышенный, образованный, взгляд на предметы просветленный*»[1]. Порой ему приходится выступать в роли текстолога, фольклориста. Он должен знать психологию детского восприятия, особенности языка и стиля детской литературы.

Немаловажную роль здесь играет авторская индивидуальность обработчика или пересказчика.

Обработка и пересказ русских народных сказок — тема, заслуживающая серьезного научного исследования. Сказки — не только занимательное детское чтение. Они являют собой сохраненную памятью народной и воплощенную в образном, ясном и точном слове нравственную идею (торжество справедливости и правды, победу добра над злом, идеальный образ народного героя). Живость и изобретательность народного ума ощутимы в сказке с особой очевидностью.

Путь, который прошла народная сказка от научной записи сказочных текстов учеными-фольклористами до литературной обработки ее вариантов для детей, долог и тернист.

[1] *Белинский В. Г.* Прогулка с детьми по С.-Петербургу и его окрестностям // В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов о детской литературе. — М., 1983. — С. 52.

Несмотря на то что сказки бытовали на Руси с древнейших времен, записи их появляются лишь в XVII в. С тех пор слово «сказка» стало употребляться в современном значении. До этого были «байки», «бахари». Известный ученый-фольклорист Б.М. Соколов объясняет это «общим церковным направлением древнерусской книжности, всячески сопротивлявшейся проявлению в книге светской, тем более устной литературы» [Соколов, 1930, с. 41].

Интересно, что и в летописях, и в различных сказаниях, и в житиях можно найти немало отголосков и переработок устного народного творчества. Достаточно сослаться хотя бы на известное «Житие Петра и Февронии Муромских», почти целиком состоящее из сказочных мотивов о «мудрой деве» — разгадчице и советчице.

В XVI—XVII вв. в рукописях начинают широко распространяться пришедшие на Русь восточные и западные сказки. Для примера можно привести известные повести-сказки об Еруслане Лазаревиче, о Бове Королевиче, о Шемякином суде и другие. Как считает Б.М. Соколов, «все эти сказки сильно русифицировались и даже в письменном своем виде приобрели облик чисто русского сказочного стиля» [там же].

Одни из первых записей устных русских сказок принадлежат англичанину Коллинсу. Путешествуя при царе Алексее Михайловиче по Руси, Коллинс записал две интересные сказки о царе Иване Грозном.

Проникновению устной сказки в литературу благоприятствовало то, что грамотные русские люди усердно переписывали произведения сказочного характера. Но это были бóльшей частью упомянутые выше повести-сказки иноязычного происхождения. Они распространялись и в виде лубка. Русские сказки редко можно обнаружить в рукописях XVIII в.

Под влиянием популярности в Западной Европе авантюрного волшебного рыцарского романа и «феерической» сказки (например, известного французского сборника сказок Ш. Перро, 1697) и в нашем отечестве стали составлять подобные сборники «рыцарских» галантных сказок, где от русских сказок и былин оставались лишь имена и некоторые подробности. Примером этого могут служить сборники М.Д. Чулкова — «Пересмешник, или славенские сказки» (1766—1768), «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях; сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывания в памяти приключения» (1780—1783), «Славенские вечера, или приключения славенских князей» М.И. Попова (1770—1771). Подлинных же русских сказок в подобных сборниках почти не было. Так, Б.М. Соколов выделяет лишь сборник «Сказки русские, собранные и изданные П. Тимофеевым» (1787) с несколькими подлинными записями [там же, с. 5].

Авторы учебного пособия «Русское народное поэтическое творчество» отмечают сборники С. Друковцева «Бабушкины сказки» (1778), «Сова, ночная птица» (1779). В них «некоторые пересказы сказок даны не только с сохранением народности сюжетов и образов, но отчасти и языка: о том, как муж “учил” нерадивую жену, и о том, как мужик обманул глупую барыню» [Новикова, 1969, с. 159]. Малое количество подлинных записей во многом зависело от литературных вкусов тогдашнего читающего общества. Характерен, например, следующий факт. В сборник «Русские сказки» М.Д. Чулков ввел три действительно настоящие народные сказки. Но именно это вызвало отрицательную реакцию критики: «Из прибавленных издателем новых сказок, некоторые, как-то о воре Тимохе, Цыгане и пр., с большею для сей книги выгодою могли бы быть оставлены для самых простых харчевен и питейных домов, ибо самый незамысловатый мужик без труда подобных десяток выдумать сможет, которые ежели все печати предавать, жаль будет бумаги, перьев, чернил и типографских литер, не упоминая о труде господ писателей» [Соколов, 1930, с. 27].

В конце XVIII в. часто печатались сборники, в которых преобладали переделки и пересказы сказок волшебных. Научных целей составители не преследовали — они стремились дать читателям лишь легкое, занимательное чтение. О многом говорят даже названия этих книг: «Лекарство от задумчивости и бессонницы, или Настоящие русские сказки» (СПб., 1786), «Старичок-весельчак, рассказывающий древние московские были» (СПб., 1790) и др.

В первой четверти XIX в. популярны были дешевые издания книжек сказок. В лубочных изданиях редко встречались народные сказки в подлинном виде, без переделки. Язык этих изданий, как правило, безвкусный, стиль далек от народного. Критика относилась к лубочной литературе отрицательно, называя ее «низкопробной», «базарной».

Собиратель сказок А.Н. Афанасьев писал в 1854 г. об изданиях народных сказок первой половины XVIII в.: «...сборники сказок, изданные в разное время, не много дадут любителю народной словесности; составлялись они и печатались людьми, мало приготовленными к этому делу и с целями вовсе не археологическими и не литературными. В сказках видели одну забаву, достойную низшего слоя общества или детского возраста, и потому всякий считал за собою полное право переделывать их по-своему. Книжная торговля наша наводнялась и до сих пор продолжает наводняться множеством серых, неприятных, обильных опечатками изданий, в которых под именем народных русских сказок печатаются столь искаженные, что в них трудно доискаться не только следов народности, но и самого смысла. Здесь допущены и переводы, и переделки, и при-

сочинения — плод собственной досужей фантазии издателей, а меткая и выразительная народная речь заменена бесцветною и не всегда правильной прозой»[2].

В.Г. Белинский в статье «О народных сказках» (1844) сетует на то же: «Сказок на Руси множество. Г-н Сахаров насчитывает их до 120 названий, говоря только о тех из них, которые попали в печать. Но это богатство, в сущности, немногим разнится от совершенной нищеты: почти все эти сказки дошли до нас в искаженном виде, а большая часть и доселе сохранившихся в памяти народа еще не собрана. Не только наши литераторы прошлого века, но даже и простолюдины, занимавшиеся т.н. лубочными изданиями, искажали их»[3].

По мнению Б.М. Соколова, «пробуждение живого интереса к народной сказке проявляется в конце 10-х и особенно в 20-е гг. XIX в. в связи с влиянием пришедшего к нам с Запада романтического направления в области литературы и философии, с культивируемым им принципом “народности”, со стремлением постигнуть “дух народа”, с интересом к глубокой старине» [Соколов, 1930, с. 6].

Сказка начинает цениться как сокровищница родного языка, как средство воспитания и — что особенно важно — служит материалом для создания самобытных произведений литературы.

К записи и художественной переработке сказок обращаются многие писатели того времени. О воспроизведении сказок в литературной форме можно говорить с 30-х гг. XIX в. Тогда увидели свет сказки В.А. Жуковского и А.С. Пушкина, «Конек-Горбунок» П.П. Ершова, «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н.В. Гоголя и др.

Начинается собирание русских народных сказок. Первым можно назвать В.И. Даля, записавшего до тысячи сказок. И это записи подлинно народных сказок.

В 1838 г. появляется небольшой сборник Богдана Бронницына (псевдоним неизвестного автора) «Русские народные сказки», включающий пять сказок («О Василисе, золотой косе, непокрытой красе, и об Иване Горохе», «О богатыре Голе Воянском», «О бесчастном стрелке», «О Иване Кручине, купеческом сыне», «О серебряном блюдечке и наливном яблочке»)[4]. Эти сказки представляли собой довольно удачные обработки записей «со слов хожалого сказочника, крестьянина из подмосковной деревни, которому рассказывал старик, отец его» (как сообщает сам автор в обращении к читателям). «В них замечателен склад рассказа, представляющего по большей части сбор разномерных русских стихов. Самое содер-

[2] *Афанасьев А.М.* Народные русские сказки: В 3 т. — М., 1957. — С. 384—385.

[3] *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. — М., 1954. — Т. 5. — С. 660.

[4] Русские народные сказки, собранные Б. Бронницыным. — СПб., 1838. — С. 111.

жание сказок мне показалось любопытным, представляя изобретательность воображения при всей простоте народной речи»[5].

Несомненно, в основу этих сказок легли сюжеты настоящих народных сказок.

Но и это издание грешит недостатками. Книжный стиль превратил, например, сказку о Василисе в повесть, похожую на мнимые сказки XVIII в.

Тем не менее известный сказковед В.П. Аникин не без основания отмечал, что «именно начиная с Богдана Бронницына писатели вступили на верный путь обработки сказок» [Аникин, 1970, с. 5].

Большую популярность имели фольклорные сборники И.П. Сахарова, в частности его «Русские народные сказки» (СПб., 1841). Но он дал в большинстве случаев лишь «подправленные» в псевдонародном духе тексты из разных известных до него источников (например, былин из сборника Кирши Данилова, лубочных сказок из сборника М. Чулкова), а иногда и тексты, явно фальсифицированные, например сочиненную им самим сказку об Анкудине.

Именно сборники Б. Бронницына и И.П. Сахарова (из-за включения в последние шести подлинных записей) А.Н. Афанасьев выделяет из всех остальных печатных сборников как «заслуживающие внимание» [6].

Можно отметить также небольшую книжку Е.А. Авдеевой «Русские народные сказки для детей» (СПб., 1844), в которую было включено семь подлинно народных (в точной записи) сказок о животных.

«Народные русские сказки» А.Н. Афанасьева (8 выпусков с 1854 по 1886 г.) открыли в России издание подлинных народных текстов. Вслед за этим собранием, ставшим классическим, выходят множество сказочных сборников.

Расцвет собирания и изучения русской народной сказки приходится на начало XX в. Бóльшей серьезности собирательской работы способствовала возникшая еще в начале 900-х гг. при Русском географическом обществе специальная Сказочная комиссия под председательством С.Ф. Ольденбурга. Это время научного подхода к собиранию сказок.

Знаменитый писатель и лексикограф В.И. Даль собирал и перерабатывал народные сказки, и еще в 1832 г. выпустил их отдельным сборником «Русские сказки. Пяток первый».

Работая над своими сказками, В.И. Даль не ставил себе целью сделать их детским чтением. Народный язык — вот для него главное в сказках: «Не сказки сами по себе были мне нужны, — пишет он, — а русское слово, которое у нас в таком загоне, что ему нельзя

[5] Там же.

[6] *Афанасьев А. Н.* Народные русские сказки. — М., 1990. — Т. 3. — С. 383.

было показаться в люди без особого предлога и повода — сказка послужила поводом. Я задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком и говором, которому открывается такой вольный простор и широкий разгул в народной сказке... »[7].

В.И. Даль внес в русскую литературу новый стилевой прием сказовой прозы, блестяще воплощенный впоследствии в сказках Н.С. Лескова, А.М. Ремизова, П.П. Бажова.

Следует отметить, что метод работы В.И. Даля над фольклором многие современники вообще считали «разрушительным», так как автор зачастую решительно вмешивался в текст сказки.

К критикам В.И. Даля относился и В.Г. Белинский, который считал фольклор неприкосновенным. Он придерживался мнения, что русская народная сказка имеет свой смысл только в том виде, в котором создала ее народная фантазия. Но писатели отстаивали свое право на литературный вариант. В середине XX в. один из мастеров пересказа русских народных сказок для детей А.Н. Нечаев писал: «Литературный вариант оправдан тогда, когда он не искажает народного замысла, когда становится одним из лучших, а не произвольных вариантов, когда образ избранного писателем фольклорного героя дополняется и проясняется, оставаясь самим собой»[8].

А.С. Пушкин высоко ставил В.И. Даля — «даровитого писателя и выдающегося знатока народной жизни» — и советовал последнему писать роман и сказки. Известно даже, что А.С. Пушкин сам передал ему содержание сказки о Георгии Храбром и о воине. И есть предположение, что писатель-сказочник, в свою очередь, познакомил великого поэта с народной сказкой о рыбаке и рыбке, которую А.С. Пушкин переложил по-своему.

В 1871 г. В.И. Даль предпринял издание двух книг для детей в собственной обработке: «Первая первинка полуграмотной внуке. Сказки, песенки, игры» (СПб.) и «Первинка другая. Внуке грамотейке с неграмотною братиею. Сказки, песенки, игры» (СПб.). Кроме того, он отредактировал и «пересмотрел» сборники своей жены Е.Л. Даль (Соколовой) «Крошки» (СПб., 1870), «Картины из быта русских детей» (СПб.; М., 1875).

В предисловии к «Первой первинке полуграмотной внуке» В.И. Даль пишет: «...родители и воспитатели, не ведая что творят, направляют всю духовную и нравственную жизнь нашу на чужбину — а человек, не приуроченный с пелен к своей почве, едва ли к ней приживется. А как ему к ней приурочиться, коли он соком ее не питался и едва ее знает?»[9].

---

[7] *Даль В. И.* Полн. собр. соч.: В 10 т. — СПб.: М., 1898. — Т. 10. — С. 550.

[8] Цит. по: *Старостин В.* Илья Муромец. Богатырские былины. — М., 1967. — С. 157—158.

[9] *Даль В. И.* Первая первинка полуграмотной внуке. Сказки, песенки, игры. — М., 1871. — С. 21.

Первым научным издателем и редактором-составителем русских сказок для детей стал Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871).

Как считает известный сказковед В.П. Аникин: «Без него сокровища сказочного фольклора могли затеряться, погибнуть. Фольклор, много веков передававшийся от поколения к поколению, в середине XIX столетия вступил в кризисную пору, когда потревоженная социальной новизной творческая мысль народа устремилась на новые предметы — и полноценное искусство рассказывания сказок стало встречаться все реже и реже. Афанасьев своим изданием спас от забвения для будущих поколений ценнейшие произведения искусства народа. Сказки сохранили всю глубину смысла, богатство вымысла, свежесть выраженного в них народного нравственного чувства, блеск поэтического стиля»[10]. Афанасьев извлек из архива Русского Географического общества все хранившиеся там сказки. И это сказки не из одной какой-нибудь местности. В его распоряжении оказалось общерусское достояние. Передал ему свои записи и В.И. Даль.

А.Н. Афанасьев считал необходимым сопровождать текст сказок «нужными филологическими и мифологическими примечаниями» (письмо А.А. Краевскому от 14 августа 1851 г.)[11]. «Цель настоящего издания, — пишет А.Н. Афанасьев, — объяснить сходство сказок и легенд у различных народов, указать на ученое и поэтическое их значение и представить образцы русских народных сказок».

Именно к этому призывали представители так называемой «мифологической школы». «Это направление в науке о фольклоре, — писал В.П. Аникин, — характеризуется особым методом. Его приверженцы усматривали в происхождении народно-поэтических образов зависимость от древнейших мифов и сводили смысл произведений фольклора к выражению немногих понятий и представлений, порожденных обожествлением природы — солнца и грозы»[12].

Здесь уместно вспомнить написанную уже в наши дни статью В.В. Виноградова «Вода из копытца» о сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Автор проводит анализ того, что представляет собой на мифологическом уровне вода из копытца, которую выпил герой сказки. Речь идет о камнях-следовиках с «животной» семантикой, о магической силе воды из следов, оставленных символическими людьми и животными. «Собственно сказочная семантика может быть интерпретирована только исходя из мифологических истоков»[13], — делает вывод В.В. Виноградов.

Несмотря на некоторые серьезные недостатки, сборник А.Н. Афанасьева является важнейшим для фольклористической науки со-

---

[10] *Афанасьев А. Н.* Указ. соч. — С. 10.

[11] Там же. — С. 11.

[12] Там же.

[13] http://anthropology.ru/ru/texts/vinogr/mis18_17.htm).

бранием русского сказочного материала, до сих пор количественно не превзойденным. Он служит источником многочисленных научных изысканий русских и зарубежных фольклористов, а также художественного творчества писателей.

Интересно, что сказки, изданные А.Н. Афанасьевым, перекликаются с творчеством многих русских поэтов и писателей (А.С. Пушкина, П.П. Ершова, С.Т. Аксакова, Н.С. Лескова и других). Как верно заметил В. П. Аникин, «встреч писательского творчества и сказок народа на страницах афанасьевского собрания немало»[14].

Так, в сказке «Шабарша» мы узнаем пушкинского Балду. В другой сказке (из цикла «Не любо — не слушай») встречается прозвище попа, которым воспользовался А.С. Пушкин — «толоконный лоб». «Перечитавши сам Вашу книжку, я не спрятал ее и от детей своих, и даже шестилетний мой Вячко заполз в нее своими глазенками... Вследствие этого я, в должности отца, обращаюсь к Вам с всепокорнейшей просьбой: нельзя ли вместе с этим изданием для ученых печатать сказок и для детей — голый текст, литературным правописанием, переводом слов не общепонятных (под строкою) и с выпуском тех сказок, которые детям читать некстати?» [цит. по: Грузинский, 1987, с. 114] — писал известный русский этнограф И.И. Срезневский.

Это письмо И.И. Срезневского напечатал А.Е. Грузинский — первый биограф А.Н. Афанасьева, располагавший материалами архива русского фольклориста. Опубликовал он и второе письмо И.И. Срезневского, датированное 1858 г., где вновь звучит то же пожелание: «Заслуга Ваша, повторяю старую песню мою, была бы еще более, если бы Вы не забыли и деток наших (у меня у самого их есть малая толика, из них четверо грамотных, потому я и говорю смело)» [там же, с. 115]. И А.Н. Афанасьев не забыл.

Два тома «Русских детских сказок» увидели свет лишь в 1870 г., за год до смерти фольклориста.

Исследователь творчества А.Н. Афанасьева А. Налепин объясняет «неторопливость автора вовсе не его академической медлительностью». «Дело в том, что книга “Русские детские сказки” адресовалась автором читателям юным, и это обстоятельство определило особую тщательность и щепетильность в ее создании. Люди взрослые могли бы простить автору небольшие недочеты, но ребенок — читатель особого рода, фальши и невнятной скороговорки не терпящий. Именно поэтому была такой долгой издательская история этой удивительной книги с прекрасными ясными рисунками Н. Каразина, которая только лишь с 1883 по 1918 г. выдержала семнадцать изданий — факт сам по себе для тех времен удивительный»[15].

[14] *Афанасьев А.Н.* Указ. соч.
[15] Там же. — С. 114.

Известно, что Афанасьев, прежде чем издать свой научный сборник, некоторые записи фольклорных текстов литературно обрабатывал. Он не видел ничего зазорного в стилистической переделке сказки, ее слога. Но и обработанный предварительно полный свод сказок (1854—1866) фольклорист никогда не считал годным для детского чтения. Сказки, в него включенные, сохраняли особенности местных народных говоров, жестокие подробности, которые могли ранить детскую душу.

Напротив, детское издание было всецело приспособлено для использования сказок в качестве детского чтения. Афанасьев умело отобрал из 600 сказочных текстов наиболее подходящие 89.

Работа по собиранию сказок, бытующих в народе, ведется и в наше время. И она никогда не может считаться завершенной, несмотря на то что на смену народному сказителю давно пришел писатель.

Классические образцы обработки и пересказа русских народных сказок для детей дошкольного и младшего школьного возраста были созданы в XIX в. К.Д. Ушинским, Л.Н. Толстым; в XX в. — А.Н. Толстым, А.Н. Нечаевым, М.А. Булатовым, И.В. Карнауховой, А.П. Платоновым. Список писателей-обработчиков можно продолжить: А.М. Ремизов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, Б.В. Шергин, П.П. Бажов, О.И. Капица, Б.А. Привалов, М.М. Сергиенко и другие. Каждый их этих обработчиков имеет свой почерк, свои индивидуальные подходы к пересказу.

Многолетняя практика обработки и пересказа русской народной сказки диктует писателям свои правила, устанавливает свои законы.

Может ли детская сказка полностью повторять фольклорные записи? Нуждается ли текст в обязательной обработке? Как именно следует обрабатывать народную сказку?

Совершенно очевидно, что «ребячьи», «детячи» сказки, предназначенные самым маленьким детям, почти не нуждаются в обработке. Они дошли до нас в первозданном виде. «Ладушки», «Сорока-белобока», «Идет коза рогатая», колыбельные песенки, потешки-прибаутки, уговорушки, считалки из поколения в поколение переходят к детям и почти не меняются по форме и содержанию. То же можно сказать о народных сказках, которые входят в жизнь ребенка с двухтрехлетнего возраста. «С удивительным педагогическим тактом они вбирают для детей круг доступных им представлений. Они облекаются в цепную форму, когда одна и та же фраза повторяется неоднократно, но каждый раз с новым прибавлением или вариацией («Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я от зайца ушел... Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел, я от зайца ушел, я от волка ушел...» и т.д.). Ребенку доставляет огромное наслаждение то, что он заранее знает, что сейчас будет сказано. Попробуйте что-нибудь пропустить — вас сейчас же остановит маленький слушатель» [Кар-

наухова, 1966, с. 10]. Такие сказки можно издавать по фольклорным записям, поясняя, быть может, только непонятные слова.

Основной пласт русских народных сказок (волшебных, сатирических, бытовых) для детей не предназначен. Их трудно (да и не следует) читать детям. Есть специалисты, утверждающие, что фольклорную сказку переделывать не следует, нужно только отредактировать запись, убрать из нее грубости, непристойные слова и сцены. По мнению истинных мастеров-фольклористов, это глубочайшее заблуждение. Сказки «в своей живой народной жизни не являются произведением, для детей предназначенным» [там же].

Они рассказывались (устно), как правило, мужчинами во время небольших передышек и по вечерам в период сезонных работ. В подлинных записях текст сказок передается с соблюдением всех диалектных и языковых особенностей. Их даже взрослым читать нелегко. Но убрать из подлинной записи диалектизмы, излишнюю грубость, «перевести» ее на литературный язык — это далеко не все, что требуется. Нельзя забывать, что народная сказка родилась как устный жанр. Когда записывается текст ее из уст сказочника, в том тексте много недоговоренностей, «пустых» мест, которые в живом рассказе восполняются жестами, мимикой, интонацией. Обработчик должен «словом донести до читателя то, что зрителю-слушателю было показано жестом» [там же].

Но самое главное — раскрыть читателю подлинно народный смысл сказки, ее моральную сущность, ее идейное содержание. Ибо воспитательная роль сказки в становлении миропонимания ребенка ни с чем не сравнима.

Обработчик начинает с того, что находит необходимый ему сюжет. Не всякую сказку можно давать детям. Не следует вводить в круг детского чтения сказки о ловких ворах, злобной хитрости, которая оказывается непобежденной и неразоблаченной и т.д.

Каждый сюжет в сборниках сказок имеет десятки вариантов. Обработчик может выбрать, по его мнению, лучший и работать над ним. Может взять лучшее из нескольких вариантов и создать свой, новый. Может, наконец, рассказать сказку совсем по-новому. Известно, например, что для пересказа «Сказки о молодильных яблоках и живой воде» А.Н. Толстой использовал восемнадцать ее вариантов. А работая над сказкой «Иван — коровий сын», изучил двадцать два варианта из разных источников и только шесть из них привлек к созданию собственного текста. Каждый раз, работая над своим вариантом сказки, А.Н. Толстой проделывал основательную подготовительную работу. Он изучал материал, опубликованный в различных сборниках (А.Н. Афанасьева, Д.Н. Садовникова, Д.К. Зеленина, Н.Е. Ончукова, А.Н. Смирнова, М.К. Азадовского и др.), а также рукописные записи. Он специально приглашал к себе сказочника М.М. Коргуева. Записанный за ним текст сказки «Андрей-

стрелец» с привлечением других записей положен в основу одной из лучших сказок, обработанных писателем, — «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что». Обычно в текст-основу вносились наиболее выразительные детали из параллельных вариантов. Все сказки пересказаны писателем современным литературным языком. А.Н. Толстой первым осуществил методику «чистого пересказа».

С особых творческих позиций подходил к работе над народными сказками А.П. Платонов. Стремясь приблизить их к восприятию современными читателями, писатель избегал архаических стилистических оборотов, смело вводил в повествование стиль бытового рассказа и психологической повести, современные слова и выражения. Он удивительно тонко понимал возможности соприкосновения народной сказки с другими жанрами. Сюжет «Волшебного кольца» — один из самых популярных сюжетов русской народной сказки. В записях известно более двадцати вариантов его. А.П. Платонов заимствует из множества источников мелкие детали и лишь условно придерживается общей сюжетной линии, «по-платоновски» рассказывая сказку.

В любом случае обработчик должен знать все варианты подлинно народных сказок, «любить и чувствовать» сказочный язык, понимать заложенный в сказке смысл, ее мораль и не грешить против типичного, традиционного народного образа, наделяя его несвойственными для народного фольклора чертами. Иванушка или Иван-царевич, например, не может быть жадным и корыстолюбивым. А у А.Н.Толстого в «Сказке о сером волке» Иван-царевич-меньшой «обзарился на золотую клетку». Такие ошибки и неточности допускают иногда даже маститые писатели-обработчики.

О языке народной сказки для детей высказываются разные мнения. «Можно переводить ее в план литературной речи, как делали это классики (Одоевский «Мороз Иванович», Ушинский «Слепая лошадь», Л. Толстой «Два брата» и т.д.). Можно и сохранить строй, синтаксис, музыкальную интонацию народного языка, — писала И.В. Карнаухова. — Но для того, чтобы язык сказки, очищенный от излишних архаизмов, областных слов и искажений, зазвучал как подлинно народный, он должен быть органичным для автора, родным и любимым им» [там же]. По языку народная сказка всегда «прозрачная, скупая, ясная». Таким должен быть и обработанный текст. Обработчики должны помнить о том, что подлинная народная сказка заключает в себе философское обобщение (идею, мораль), причем мораль не высказывается открыто, она вытекает из содержания сказки. Детская сказка оптимистична. Она реалистична и в то же время фантастична и гиперболична, ибо дети «понимают и помнят не рассудком и памятью, а воображением и фантазией» [Белинский, 1983, с. 378].

А вот аллегория в детской сказке вряд ли уместна. Абстракция недоступна сознанию ребенка. Она чужда ему. Непременными требованиями к обработанной народной сказке остаются действенный сюжет, «запутанная» фабула (на пути героя возникают все новые и новые препятствия, и он должен их преодолевать), деятельный герой.

У каждого писателя своя — индивидуальная, творческая — манера изложения. Поэтому предлагать раз и навсегда заданную технологическую схему обработки русских народных сказок не имеет смысла.

В статье рассматриваются только принципиальные вопросы адаптации текста русской народной сказки к детскому восприятию. Все эти требования необходимо знать редакторам и составителям сборников сказок.

В нынешних условиях издатели детской книги, стремясь к «безгонорарным» вариантам, предпочитают иметь дело с классикой, фольклором, народной сказкой. Издаются десятки сборников сказок. Качество составления и редактирования многих из них оставляет желать лучшего. Редакторам детской литературы, составителям сборников необходимо знать рассмотренные в статье принципиальные вопросы адаптации текста русской народной сказки к детскому восприятию.

Список литературы

Аникин В. П. Писатели и народная сказка // Русская сказка в обработке писателей. — М., 1970.

Грузинский А. Е. А. Н. Афанасьев (Биографический очерк): Сб. статей. — М.: Детская литература, 1987.

Карнаухова И. В. Русские богатыри: былины и героические сказки в пересказе для детей. — М., 2008.

Карнаухова И.В. Главное раскрыть смысл // Детская литература. — 1966. — № 7.

Народные русские сказки. Из сб. А. Н. Афанасьева / Вступ. ст. и словарь малоупотребительных и областных слов В. П.Аникина. — М., 1990.

Проблемы детской литературы и фольклор. Сборник научных трудов. — Петрозаводск, 1999.

Русские детские сказки, собранные А. Н. Афанасьевым / Науч. ред. текста, предисл. и примеч. В. П. Аникина. — М., 1987.

Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А. М. Новикова. — М., 1969.

Соколов Б. М. Сказки. Русский фольклор. — М., 1930.

Старостин В. Илья Муромец. Богатырские былины. — М., 1967.

Поступила в редакцию
14.11.2010